

Гуашиелъ Левъ Николаевичъ

Величiе и
паденiе
Древнего
Тибета

Лев Николаевич Гумилев

Величие и падение Древнего Тибета

Развитие древних государственных образований в Азии, с одной стороны, подчинено общей закономерности становления классового общества, с другой — имеет свои специфические особенности. Чтобы понять соотношение между этими сторонами, чтобы отделить общее от частного, целесообразнее всего применить метод исторического исследования, т. е. в хронологической последовательности проследить ход событий от возникновения культурной традиции до ее конца, под тем или иным углом зрения. Поставленная нами проблема формулируется так: почему бедное в природном отношении Тибетское нагорье оказалось в состоянии вскормить народ, выступивший, несмотря на свою немногочисленность, претендентом на роль гегемона Срединной Азии, и почему эта попытка стать гегемоном не удалась? Для ответа необходимо обратиться к светской политической истории Тибета, а поскольку таковая в историографии отсутствует, написать ее и тем самым получить решение, подсказанное самими фактами.

В отличие от наших предшественников, мы положили в основу угла зрения не судьбу буддийской общины, проникшей в дикую страну, а закономерность развивающегося племени, подвергшегося культурному влиянию со стороны просвещенных соседей. Изменив, таким образом, аспект освещения событий, мы получили целостную картину: цепь событий в их связи и последовательности. Именно установление причинно-следственной связи подсказывает ответ на поставленную проблему с четкостью, которая исключает необходимость в дополнительных формулировках и сентенциях на общеисторические темы. Организованный материал говорит сам за себя.

ОБИТАТЕЛИ ТИБЕТА

Обширное Тибетское нагорье, отделенное от окружающих низменностей высокими хребтами — Куньлунем с севера и Гималаями с юга, — посередине разделено Трансгималайским хребтом, представляющим естественный рубеж между сухими степями северного плато и живописными речными долинами реки Цангпо (Брахмапутры) и ее притоков. Высокогорная равнина, примыкающая с юга к Куньлуню, — пустыня, не населенная и по наше время. Южнее, по склонам горных хребтов, идут травянистые степи, где возможно овцеводство, а еще южнее, по берегам рек, издавна бытовало земледелие. ^[1]Северная пустыня и Гималайский хребет преграждают доступ в Тибет с севера и с юга. Поэтому Тибет заселялся с запада и востока.

На западе, в верховьях Инда, с незапамятных времен создавали свои поселения земледельческие племена — моны и дарды. ^[2]По расе, языку и культуре эти племена были близки к народам Северо-Западной Индии и Памира. В V–VI вв. Дардистан входил в состав державы эфталитов, а после ее разгрома получил самостоятельность. ^[3]Политического объединения у дардов и монов не возникло. Они делились на множество мелких княжеств, независимых друг от друга. Вследствие примитивности их организации они не могли оспаривать первенство у продвигавшихся с востока предков тибетцев.

На западной границе Китая, в современных провинциях Шэньси и Ганьсу, жили бок о бок два разных народа: монголоидные пастухи-кяны, народ тибетской группы, и земледельцы-жуны. ^[4]Хотя древние китайские авторы, очевидно метафорически, называли тибетцев «западными жунами», это были два разных народа ^[5]в древности говоривших на разных языках. ^[6]Однако смешанные браки и общая судьба, определявшаяся совместной борьбой против Китая, привели к тому, что тибетский язык вошел в обиход не истребленных китайцами жунов. Смешавшись, эти народы распались на несколько гибридных племен, из которых наибольшее значение для истории имели танчаны, дансяны, ди-бома (в Сычуани) и байлан. Впоследствии эти племена жундистского происхождения, слившись образовали народность, называемую средневековыми тангутами. ^[7]

Несмотря на продолжительное общение с китайцами, они сохранили еще в III в. своих князей и свой быт. Хотя большинство их знало китайский язык, но у себя дома они пользовались языком ди. Наряды и обряды их были похожи и на китайские, и на тибетские, что указывает на тесную связь тангутов с обоими упомянутыми народами, однако этническая самостоятельность их в III в. утеряна не была. Численность отдельных племен иногда превышала 10 тыс. человек. ^[8]Не только по происхождению, но и по быту отличались друг от друга тибетцы-кяны и тангуты.

«Народы си-жун (в данном случае тибетцы. — Л. Г.) вместо одежд употребляют шкуры зверей; не имеют постоянных жилищ и ведут кочевой образ жизни, снискивая себе пропитание скотоводством. Определенных названий родам и поколениям не имеют, имя отца или матери служит названием и роду их. Они разделяются на множество родов, не имеющих государя и не признающих единовластия, а живущих общинами. Народ чрезвычайно храбрый, умереть в сражении почитается у них счастьем, умереть от болезни — несчастьем. Подобно животным, они крайне терпеливо переносят стужу: даже женщины при родах не уклоняются от суровости климата». ^[9]«Танчанские цяны (в данном случае тангуты. — Л. Г.) составляют особый род. Они имеют постоянные жилища и живут домами. Избы их обтянуты полостями из буйволовой и овечьей шерсти (черной). В их владении нет ни законов, ни службы, ни налогов. Только в военное время они собираются в одно место, а в прочее каждый занимается своим ремеслом и

друг с другом сношений не имеют. Одежду шьют из мехов и шерстяных тканей, пропитание получают от косматых буйволов, овец и свиней. По смерти отца, дядей и братьев берут за себя мачех, теток и невесток. Письма не имеют, а течение годов замечают по осенним и весенним переменам. По истечении каждых трех лет бывает собрание, на котором бьют быков и баранов для жертвоприношения Небу. Из дома князя Лян-цзин происходят наследственно старейшины, а снискавшие приверженность знаменитых объявляют себя королями». ^[10]

Тексты не нуждаются в комментариях. Почти ни один из обычаев не является общим, различны и стадии общественного развития: у кянов — родовой строй в расцвете, у жунов — на исходе. Дальнейшая судьба их была также различна: жуны, вобрав в себя тибетское племя дансянов и остатки южных хуннов, впоследствии образовали государство Си-Ся, а потомки кянов сохранили свой быт и дикую волю до XIX в.

Потомками кянов можно считать скорее нголоков в верховьях Желтой реки, чем тибетцев-ботов, отколовшихся от кянов в неопределенное время до новой эры. ^[11] Боты, распространившись вверх по среднему течению Брахмапутры, вступили на путь создания классового государства, а кяны, потерпев ряд кровавых поражений, отступили в горы, откуда еще в 1899 г. своими набегами устрашали соседей и ревниво оберегали свою независимость.

По словам П. К. Козлова, они заносчиво заявляют: «Нас, нголоков, нельзя сравнивать с прочими людьми. Вы, кого бы это из тибетцев ни касалось, подчиняетесь чужим законам: законам далай-ламы, Китая и каждого своего маленького начальника... вы боитесь всего. Не только вы, но ваши деды и прадеды были таковы. Мы же, нголоки, с незапамятных времен подчиняемся только собственным законам и побуждениям. Каждый нголок рождается уже с сознанием своей свободы и с молоком матери познает свои законы, которые никогда не должны быть изменены. Каждый из нас чуть не рождается с оружием в руках... наше племя одно из самых высоких, достойных в Тибете, и мы вправе с презрением смотреть не только на тибетцев, но даже и на китайцев». ^[12] В этих словах жива этнопсихологическая структура древних кянов, толкавшая их на кровавые войны, в которых большая часть их погибла. ^[13] Несмотря на все высокомерие, нголоки — реликт эпохи расцвета родового строя.

Не кочевые племена, а оседлые земледельцы, осевшие на среднем течении великой реки Цангпо (Брахмапутры), создали тибетскую культуру и государственность. Во время правления Пудэкунгье, которое датировать не удалось, в Тибете возникли земледелие и ирригация. ^[14] На плодородной почве речных долин произрастали пшеница, ячмень, гречиха и горох. ^[15] Воду на поля отводили из горных речек каналами, около которых воздвигались каменные укрепленные поселения. К тому же неопределенному времени тибетские хроники относят начало металлургии. Выплавлялись три металла: серебро, медь и железо. Через реки перебрасывались мосты, и даже появилось ткачество на станке. Значительный подъем хозяйства датируется концом IV — началом V в., когда была упорядочена ирригация, широко практиковалась заготовка кормов для скота, используемого при пахоте, и были выведены новые породы мула и хайныка (помесь яка и коровы). ^[16]

Технический прогресс создал такое изобилие продуктов, что население Тибета быстро росло. К VII в. оно достигло 2860 тыс. человек, ^[17] т. е. предела, выше которого не поднималось вплоть до XX в. Больше, при указанном уровне техники, страна прокормить не могла. Естественно, прирост населения шел за счет земледельческих районов, и племена, поселившиеся в речных долинах, по бытовому укладу, обычаям и культуре все больше отдалялись от своих кочевых собратьев. Наконец, они преобразились в народ, которому предстояло совершить великие дела.

НАЧАЛО ИСТОРИИ

Долгое время тибетские племена жили родовым строем, не общаясь с внешним миром. Наконец, внешний мир обратил на них внимание: с запада, из Гилгита, в Тибет вторглась черная вера бон и овладела умами и душами, а с востока пришла сяньбийская дружина и покорила тела и сердца. Тогда Тибет изменил свой облик, и произошло это так.

Некогда, до появления буддизма, в стране Шаншун учитель Шэнрабмибо проповедовал новую религию. Главное божество мужского пола было им названо «Всеблагодой», а жена его выступала то как гневная «Славная царица трех миров», то как нежная «Великая мать милосердия и любви». Она была связана со стихией земли и в Западном Тибете называлась «Земля-мать». Это двуединое божество принимало кровавые жертвы, включая человеческие.

Мир, по представлениям этой религии, состоит из трех сфер: небесной области — богов, земной области — людей и нижней — водяных духов. Сквозь три эти вселенные прорастает мистическое мировое дерево, и оно является путем, по которому вселенные сносятся друг с другом. Общение осуществляется путем мистерий, совершаемых жрецами, принявшими посвящение. Жрецы, кроме того, гадают, колдуют и заклинают, вызывая болезни и непогоду. Все это требует высокой квалификации, и поэтому «бонская религия тяжела для изучения».

Священная книга бон была написана Шэнрабмибо на языке тагзиг и переведена на другие языки. Это весьма отдалило бон от примитивных генотеистических культов, чуждых прозелитизму. Бон проповедовался и распространился, кроме Тибета, по склонам Гималаев и в Юго-Западном Китае. Можно думать, что не без его влияния сложились некоторые культы в Сибири, но это предмет специального исследования. В Тибете же эта религия стала господствующей и воинствующей, создав церковную организацию с соответствующей иерархией, клиром, организованным культом и тенденцией вмешиваться в государственные дела.

Это краткое описание, ^[18]отнюдь не претендующее на полноту, все-таки достаточно, чтобы сделать вывод о невозможности отождествления бона и тунгусского шаманизма. Хотя в шаманизме есть учение о трех мирах, но отсутствует понятие о верховном божестве, о посвящении и силе жертвоприношений. Там нет и принципиально не может быть клира и церковной организации, потому что шамана, по представлениям тунгусов, избирают духи, а не обучают люди. Наконец, в шаманизм не обращаются, и к помощи шамана при болезни может прибегнуть человек любой веры, как к врачу, тогда как бон совмещает проповедь и исключительность, как всякая высокоразвитая религия и как любая воинствующая церковь.

Время появления бона в Тибете уходит в глубокую древность. Восторжествовал он не без борьбы и крови. Один из легендарных правителей Тибета, Три-кум, «в первой половине своей жизни был привержен к бону, а во второй половине своей жизни приказал подавить бон «йунг-тунг» (одно из течений бона) и разорвал головную нить «му» (по которой возвращались на небо). Подданные и советник Ло-нгам убили его кинжалом». ^[19]На место старых бонских жрецов, подавленных правителем, пришли новые — боны-могильщики.

Итак, бонская церковь урвала себе долю власти у племенных вождей, постоянно предававшихся распрям. Хотя они прятались друг от друга в каменных замках, число княжеств неуклонно сокращалось, так как князья энергично истребляли друг друга. В середине первого тысячелетия было 20 небольших княжеств, а немного спустя, в VI в., — уже только 17. ^[20]

И вот в богатую, растущую, но разобщенную страну в 439 г. вступила новая сила. В это время воинственные тобасцы создавали и расширяли свою империю Вэй, жестоко расправляясь с другими племенами, ранее их осевшими в Северном Китае. В 439 г. они захватили Хэси и

заставили бежать орду Ашина на север. Подобно Ашину, другой сяньбийский князек, Фаньни, со своими соплеменниками отступил на юго-запад во внутренний Тибет. Опираясь на дисциплинированный и боеспособный отряд, приведенный из тех мест, где война не прекращалась ни на минуту, сяньбийский вождь «привлек себе цянов», [\[21\]](#) т. е. занял господствующее положение среди враждующих племен. Как водяные пары конденсируются вокруг летящей в воздухе пылинки и образуют дождевую каплю, так тибетские племенные вожди объединились вокруг сяньбийского атамана и его потомков, которые за двести лет полностью отибетились и слились со своими подданными. С этого времени началось объединение Тибета, закончившееся около 607 г., после чего правитель Намри (570–620) смог приступить к внешним войнам. Но прежде чем обратиться к политике VII в., рассмотрим положение, создавшееся в Тибете после его объединения.

Порядок, установившийся в Тибете к началу VII в., условно можно назвать ограниченной монархией. Но ведь так же говорят и про Англию; название иногда вводит в заблуждение, если оно не раскрыто и не пояснено, а потому приступим к описанию.

Теоретически вся полнота власти в Тибете принадлежала правителю, потомку сяньбийских князей, носившему титул цэнпо. Формально ему помогал совет, укомплектованный чиновниками, назначаемыми и смещаемыми правителем. На самом деле совет держал в своих руках всю исполнительную власть,^[22] а фактически он выполнял волю племенных вождей, опиравшихся на своих вооруженных соплеменников, являвшихся единственной реальной силой в стране. Племенные вожди даже носили титулы или «родственник по женской линии» (шанг), либо «малые владыки» (вассалы). Советники лонпо назначались только из знати. Естественно, они проводили ту политику, которая определялась их воспитанием и связями, т. е. защищали интересы аристократии.^[23]

В этой ситуации положение цэнпо было очень сложным. С одной стороны, он получал свое место по наследству; в его казну поступали доходы с обширных земель, принадлежавших «короне», — налоги, дань покоренных народов, выморочное имущество и имущество казненных преступников, но его в любой момент могли отрешить от должности, и практически он не имел ни реальной опоры, ни действительной власти. Даже войско подчинялось не цэнпо, а специальному «военному советнику».^[24] Бедному цэнпо оставался, по сути дела, только почет, и этим он напоминает эллинских басилевсов в те времена, когда разбогатевшая аристократия лишила их былой власти.^[25]

Официально все тибетцы были подданными (банг)^[26] своего бессильного правителя,^[26] но они резко делились на три слоя: аристократы, свободные и лично зависимые — трэн.^[27]

Свободные мужчины все были обязаны служить в войске. Оно было организовано в «четыре крыла» (ру) и более мелкие подразделения.^[28] Хотя это деление и не совпадало с племенным, но командные должности в них занимали племенные вожди и «родственники по женской линии».^[29] Это весьма усиливало позиции аристократии и давало возможность расправляться с низшими слоями населения по своему усмотрению. Даже средневековые китайцы отмечают чрезмерную жестокость наказаний и бесконтрольность судей. В результате их «деятельности» в Тибете появились несвободные, т. е. холопы. Холопы лишены свободы правящей властью в наказание «за вредные мысли, гордость, необузданность».^[30] Их использовали на разных работах, иногда на казенных, иногда отдавая в услужение аристократам. Положение их было весьма незавидным.

Аристократы за свою службу в качестве советников, чиновников (нген), придворных (кхаб-со) или военачальников получали земельные участки в условное владение. Эти участки (кхол-юл, букв. «земля за службу») можно было передавать по наследству, но нельзя было ни продать, ни обменять. Земля отбиралась в казну при нарушении лояльности по отношению к правителю или прекращении несения службы.^[31] Этот институт весьма напоминает бенефиций или поместье.^[32] Для содержания армии и чиновников требовались большие средства, которые собирались в виде подушного налога с населения, штрафов и дани с завоеванных земель. От уплаты налога освобождалось духовенство.^[33]

Итак, Тибет в VII в. был уже настоящим государством, в котором патриархальные отношения начали перерождаться в феодальные. Но феодализм был еще в зачатке. Гораздо большую роль играли именитые вотчинники, стремившиеся заменить монархию олигархией. Так, в Риме в результате усиления аристократии царская власть сводилась к нулю, а затем

просто упраздняялась. ^[34]То же происходило и в Финикии, и в эллинских полисах.

Тибет стоял на том же пути. Вельможи и бонские жрецы крепко держали власть в своих руках, покоряя и ограбляя окрестные племена, так как только война кормила армию и только армия обеспечивала их власть и благополучие. При цэнпо Намри тибетские войска вторглись в Восточную и Центральную Индию и нанесли поражение тюркютам, ^[35]видимо добив несчастного Кара-Джурина, после того как он, брошенный своими восточными сородичами, пытался найти прибежище в Тогоне в 604 г.

Но всякий успех имеет свою оборотную сторону. В армию и в страну влились новые солдаты и подданные. Они были согласны принять на себя долю военных тягот и государственных забот, но только за соответствующую долю благ. И тут они успеха не имели, ибо знать не склонна была делиться с побежденными. Антагонизм между аристократией и народом должен был возникнуть неминуемо, а тогда естественным вождем народа мог стать цэнпо, также утесненный знатью. ^[36]Очевидно, не случайно был умерщвлен победоносный Намри, ^[37]а при его сыне Сронцангамбо ^[38]«подданные его отца возмутились, подданные матери восстали, родственные шанг-шунги Чжо-сум-па, Ньяк-ньи-таг-па, Конг-по, Ньян-по — все восстали». ^[39]Это очень похоже на гражданскую войну, в которой принимали участие разные группировки и племена.

Восстание все-таки потухло, и порядок был восстановлен, но умный и энергичный Сронцангамбо ^[40]сделал выводы, весьма важные не только для него самого, но и для его подданных. Он обратил внимание на общину нищих бритоголовых монахов, проповедовавших странное учение о пустоте и неделании. И он не ошибся: буддизм оказался силой, которая, утвердившись в Тибете, превратила его потомков из цэнпо в царей.

СИЛА И СЛАБОСТЬ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Буддийские проповедники начали проникать в Среднюю Азию уже в первые века новой эры, но в VII в. их энергия и настойчивость выдвинули их на первое место среди соперничавших в то время религиозных систем. Прежде чем говорить о роли и значении буддистов в эту эпоху, бросим беглый взгляд на характер самой буддийской общины и на те цели, которые она преследовала.

Вообще в VI и особенно в VII в. буддизм проявлял исключительную активность в Китае, Тибете и Средней Азии, прокладывая себе путь не столько как религиозная идея, сколько как социальная и политическая группировка. Буддийская философская доктрина была слишком сложна для того, чтобы увлечь за собой массы, но буддийскую общину представляла группа людей решительных и энергичных, которая умела заставить считаться с собой. За время своего существования она трансформировалась до неузнаваемости.

Первоначальный буддизм был одной из индийских философских школ с ярко выраженной атеистической окраской ^[41] и никакого политического значения не имел.

В I в. этот первоначальный буддизм был преобразован Нагарджуной, объявившим, что излагает более полное и совершенное учение Будды, добытое им у змей, которым Будда также проповедовал и даже более пространно, чем людям. Философский смысл новой секты, махаяны, заключался в учении о нирване, но важно другое: в новой секте центральное место вместо архата и Будды занял бодисатва, спаситель мира. В системе буддизма бодисатва есть существо, достигшее степени совершенства Будды, но еще не ставшее Буддой, потому что призвание бодисатвы — наставить страдающее человечество и помочь ему избавиться от мук. Будучи выше архата, остающегося просто человеком, и ниже Будды, находящегося вне пределов досягаемости, бодисатва, обладающий одновременно сверхчеловеческими качествами и доступностью, в глазах масс становится главным объектом почитания и поклонения, занимая место туземных богов, изгоняемых буддизмом.

В системе буддизма мир делится на две неравные части: монахи буддийской общины и все остальные. Солью земли признаются только монахи, так как они стали на «путь», выводящий их из мира суетного (сансары) к вечной пустоте (нирване). Монахи не должны работать и вообще действовать, так как действие есть порождение страсти и ведет к греху. Кормить, одевать и защищать монахов обязаны миряне, эта «заслуга» поможет им в следующем перевоплощении стать монахами и вступить на «путь». Естественно, чрезмерное увеличение общины монахов противоречило ее интересам, так как если бы все стали монахами, то кормить их было бы некому. Но эта опасность не грозила индийскому буддизму. Ни брамины, гордые своими знаниями и привилегиями, ни раджи, увлеченные роскошью, войнами и почестями, ни крестьяне, кормящие свои семьи и возделывающие поля, не стремились бросить свои любимые занятия во имя «пустоты», к которой должен стремиться буддийский монах. В буддийскую общину шли люди неудовлетворенных страстей, не нашедшие себе места в жизни и применения своей деятельной природе. Став буддистами, они отвергали жизнь, обидевшую их, и страсти, обманувшие их; во имя провозглашенной пассивности они развивали бешеную активность, и наконец в этой роли они нашли себе применение.

Чандрагупта, враг греков, основатель династии Маурья, несмотря на принадлежность к низшей касте (шудра), выдвинулся в 313/14 г. благодаря военным талантам. ^[42]Основанная им военная деспотия утвердилась в Северной Индии, но жестокий режим разочаровал массы народа, выдвинувшие Маурья. ^[43]Внук Чандрагупты, Ашока, понимал, что на копьях трон держаться долго не может. Военной деспотии противостояли сепаратистские тенденции

местных раджей из кшатриев и браминов в Бенгалии и племенных вождей в Северо-Западной Индии. Для борьбы с ними ему нужно было мощное идеологическое оружие, и таковым оказалось буддийское учение, отрицающее касты, роды и народы. Буддийская община охотно пошла на сближение с деспотом, обеспечившим ей покровительство. После гибели династии Маурья на буддизм были гонения, продолжавшиеся до тех пор, пока царь индоскифов Канишка, бывший в Индии чужеземцем и, подобно Ашоке, державшийся на копьях своих соплеменников, не усмотрел в буддийских монахах своих возможных союзников в борьбе с покоренными индусами. Снова буддийские монахи были осыпаны милостями, до тех пор пока держава кушанов не пала.

Третий расцвет буддизм переживал при Харше Вардане, завоевавшем почти всю Северную Индию и в VII в. до н. э. создавшем эфемерную военную державу.

Резкие перемены в положении буддизма в Индии способствовали его распространению за пределами этой страны. Во времени процветания буддизм распространился в областях, зависевших от индийских или индоскифских царей; в период гонений монахи разносили желтую веру в те места, где они могли быть в безопасности. В первые века нашей эры буддисты проникают в Китай; в 350 г. буддизм утверждается в Непале, ^[44]несколько раньше он преодолевает горные проходы Гиндукуша и завоевывает себе место в верованиях жителей Восточного Туркестана.

Описания двух путешествий китайских буддистов — Фа-сяня ^[45]и Сюан-цзана ^[46]— представляют Восточный Туркестан чисто буддийской страной, что, конечно, грешит некоторым преувеличением, так как оба эти паломника интересовались только буддизмом и не описывали иных верований как не стоящих внимания. Проникновение это было постепенным и происходило в несколько приемов, что видно из того, что древняя хинаяна господствовала в Кашгаре, Гумо, Куче, Харашаре. Гаочане и Шаньшани, тогда как махаяна укрепилась в Хотане и Гебаньдо (Ташкурган), т. е. в областях, непосредственно граничивших с Тибетом, ^[47]и в Китае.

Необходимо отметить, что в V–VI вв. буддизм в Китае был инородным телом. Нищие бритоголовые буддийские монахи (бикшу), со своей проповедью отрешенности от мира, безбрачия и устремления в потусторонность, были глубоко противны трезвому и рационалистическому практицизму конфуцианских грамотеев. Буддийская проповедь казалась им бессмысленным бредом, способным потрясти основы государства, основанного на принципе власти, собственности и семьи. Поэтому буддийские монахи искали другие объекты для пропаганды и нашли их среди варварских вождей, поселившихся в Северном Китае в IV в., и народа, склонного к суевериям и нуждающегося в утешении.

Но главными приверженцами буддизма оказались женщины, без различия сословий. Положение женщин в средневековом Китае было настолько тяжелым, что буддисты нашли в них благодарную паству. Даже воплощение бодисатвы милосердия, Авалокитешвара, в Китае выступает в женской ипостаси, Гуань Инь, ибо, по легенде, бодисатва принял облик женщины, чтобы на себе испытать всю тяжесть женского бесправия. При содействии женщин, на их деньги, воздвигались великолепные храмы с тысячами монахов и библиотеками буддийско-китайской литературы.

В эпоху династии Тан переводами и переизданиями буддийских книг занимались больше, чем когда-либо в Китае. После же вступления на престол Гао-цзуна его министр, конфуцианец Фу-и, убедил императора созвать совет для обсуждения мер, которые следует принять в отношении буддизма. Предложение Фу-и заключалось в том, чтобы принудить монахов и монахинь к бракосочетанию и деторождению. «Те основания, — говорил он, — которые их склоняют к аскетической жизни, объясняются лишь их желанием избежать вклада в государственные доходы. То, что они говорят о судьбе человека, зависящей от воли Будды,

глубоко ложно. Жизнь и смерть людей лежат во власти судьбы, которой не управляет никто. Воздаяние же за добродетель и порок лежит во власти государя, а богатство и бедность являются следствием наших собственных деяний. Буддизм привел общественную жизнь к вырождению, а его учение о перевоплощениях не имеет ничего общего с действительностью. Монахи являются ленивыми и бесполезными членами общества».

На это ответил Сяу-ю, приверженец буддизма: «Будда был мудрецом, а, отзываясь дурно о мудреце, Фу-и оказался виновным в тяжком преступлении». Его противник возразил, что верность присяге и сыновняя почтительность являются величайшими добродетелями, а монахи, отказываясь от почитания своего государя и своих родителей, оказывают им пренебрежение и равнодушие, и Сяу-ю, защищая их учение, сам оказался виновным наравне с ними. На это Сяу-ю сказал только, что «ад создан для таких людей, как его хулителю».

Сопротивлялись этой «идейной заразе» конфуцианские «философы» — военные и гражданские чиновники. Приход их к власти всегда сопровождался гонениями против буддизма; следовательно, можно установить и обратную закономерность: гонения на буддизм в средневековом Китае означали приход к власти военно-чиновной касты, покровительство буддизму связано с господством придворной клики, состоящей из евнухов, женщин и монахов. Именно такую антитезу мы встречали в империях Бэй Чжоу и Бэй Ци.

Сама по себе буддийская община всегда была весьма деятельна, но цели ее не совпадали с целями светского государства, часто шли прямо вразрез с ними, и потому буддисты могли процветать лишь при бездарном и недалекновидном государе. Отсюда вытекает, что процветание буддизма связано со слабостью светской власти, а со временем еще более ослабляет ее.

При первых императорах династии Тан буддизм завоевал в Китае такое же господствующее положение, какое он имел во всей остальной Азии. Буддизм торжествовал от Самарканда и Пешавара на западе до Суматры и Явы на востоке, проник даже в дикий Тибет, но особенно укрепился в Китае, хотя и претерпел значительные изменения. К этому времени относится китайская поговорка: «Буддист, как династия Тан». [\[48\]](#)

Государи династии Тан видели в буддизме средство подчинения себе сверхъестественных сил и главным образом стремились найти эликсир бессмертия. Покровительствуя буддизму, они не забывали своей старой религии и весьма благосклонно относились к несторианам, время от времени проникавшим в Китай.

Не меньший успех буддисты имели среди народных масс Китая, чему немало способствовало внешнее сходство их религии с даосизмом. Китайцы, удивленные этим сходством, были склонны считать Лао-цзы истинным предком буддизма. [\[49\]](#) Буддийская община разрасталась и поглощала все большую долю государственных доходов, не давая взамен ничего. Несомненно, что это обстоятельство сыграло свою роль в падении великой империи Тан наряду с прочими, еще более существенными причинами. И если при Танской династии буддизм в Китае одержал полную победу, то в это же время в Тибете он встретил такое сопротивление, перед которым трижды отступал и лишь на четвертый раз, уже в XI в., достиг уверенных, твердых успехов. В Тибете противником буддизма — желтой веры — были аристократия и черная вера, или религия бон, а союзником и покровителем — монархическая власть.

Устрашающие формы мистерий черной веры довели сознанию горцев, веривших, что мир населен сонмом злых духов, спасти от которых может только вмешательство колдунов. До сих пор население восточных Гималаев, Юго-Восточного Тибета и инородцы Юннани и Сычуани почитают грозного духа Лепчу, [\[50\]](#) которого даже буддисты считают более сильным, чем сам Будда. [\[51\]](#)

Социальная значимость религии бон в тибетском обществе ясна: колдуны вместе со знатью так ограничивали власть царя, что она превращалась в фикцию. Это была борьба знати против

трона. Для царя не оказывалось подходящего занятия, народные массы стали послушным войском в руках совета вельмож. Вельможи и жрецы прочно держали власть в своих руках, подчиняя все новые и новые племена цянов и дардов, так как только война кормила армию и только армия держала их на поверхности. К середине VII в. империя охватывала весь Тибет, Непал, Бутан, Ассам и соприкоснулась с Китайской империей.

УЧРЕЖДЕНИЕ МОНАРХИИ

В отличие от своих предков, Сронцангамбо нашел способ избавиться от досадной опеки своих несговорчивых вельмож. Восемь из них он убил собственной рукой, когда они начали ему противоречить. ^[52]Но справиться с колдунами ему было не под силу; для этого нужна была посторонняя помощь, и он обрел ее в лице буддийских монахов, явившихся в свите царевен из Непала и Китая. ^[53]В лице буддийских монахов Сронцангамбо получил то, что ему было нужно. Эти люди не боялись духов, значит, они были сильнее их; они принесли исписанные свитки с заклинаниями, более действенными, чем ночные вещания бонских колдунов. Эти монахи были в чести у китайского императора, всемогущего Тай-цзуна, и у индийского победоносного царя Харши Варданы, самодержавных государей, не зависящих от своих подданных. Сронцангамбо решил, что он заполучил средство уподобиться этим царям, и весьма дешево, так как монахи-аскеты не требовали особых расходов на содержание. Как люди бывалые и образованные, они могли быть использованы для нужд вновь возникшей военной деспотии, а с крамольными вельможами они не были связаны и вполне зависели от царской милости.

По сути дела, обращение цэнпо в буддизм было монархическим переворотом. Возможности для столь решительных действий были предоставлены Сронцангамбо самой аристократией, где, как во всякой олигархии, влиятельные роды боролись за власть. При вступлении Сронцангамбо на престол «великим советником», т. е. главой правительства (премьер-министром), был вельможа Пунгсэ из рода Кхьунгпо. Силу его влияния на цэнпо достаточно подтверждает тот факт, что завоеванная им область Цангбед была пожалована ему в дар, т. е. он завоевал страну с населением в 20 тыс. семей для себя, а не для государства. Однако ему приходилось все время бороться с интригами своих соперников. В конце концов, по доносу вельможи из рода Гар, он был обвинен в заговоре и обезглавлен, а власть захватил род Гар. ^[54]

На фоне такого ожесточения и беспринципности Сронцангамбо удалось захватить инициативу. В 639 г. он перенес столицу на новое место и основал прекрасный город Лхасу, ^[55]которая стала цитаделью нового порядка. Всякое сопротивление подавлялось беспощадно: «Вырванные глаза, отрезанные головы, конечности и другие части тела людей непрерывно появлялись у подножия Железного холма в Лхасе». ^[56]

И вот в эту суровую страну, переживавшую жестокое время, в свите китайской и непальской принцесс явились новые советники царя. ^[57]Это были люди умные, образованные, искушенные в политике, дипломаты и психологи. Сронцангамбо получил опору, без которой новый строй удержаться не мог.

Обращение цэнпо означало мир и союз с Китаем и Непалом. ^[58]Во внутренней политике оно ознаменовалось глубокими реформами. Были посланы два посольства в Индию за священными книгами, из которых одно пропало без вести, а второе, руководимое Тонгми Самбодой, вернулось в 632 г. с рукописями и выработанным алфавитом, после чего начался интенсивный перевод буддийских книг на тибетский язык. ^[59]В Лхасе были построены великолепные храмы, но не возникло ни одного монастыря, ^[60]потому что буддистами были только иностранцы, а тибетцы, занятые повседневной жизнью, стремились не к нирване, а к благополучию на этом свете.

Желая приохотить своих подданных к мирной жизни, Сронцангамбо испросил в Китае шелковичных червей для развода и мастеров для выделывания вина и для строительства мельниц. ^[61]

Однако бонская оппозиция не дремала. «Подданные начали поносить царя. Царь слышал,

но тем не менее предписал религиозный закон для соблюдения десяти добрых дел».

[62] Недовольство вельмож вполне понятно, но недовольство народа следует объяснить.

Действительно, буддийские монахи сами по себе стоили недорого, но для соблюдения культа нужно было воздвигать кумирни, отливать изображения бодисатв, покупать и привозить издалека рукописи и иконы.

Все это ложилось на плечи податного населения. Вместо походов, приносящих добычу и славу, предлагалось сидеть в пещерах на постной пище и спасать душу, губя тело. Не могло нравиться тибетцам и то, что царь окружил себя ламами, прибывшими не только из Индии, с которой войны в ту пору не было, но и из Хотана и Китая. Поэтому неудивительно, что тибетцы отнеслись к новой вере без малейшего энтузиазма. [63]

Вероятно, сопротивление слишком крутому и набожному царю вызвало осложнения, которые привели к отрешению Сронцангамбо от престола. Пять лет на престоле сидел сын реформатора, Гунригунцан, пока не умер по невыясненным причинам. Сронцангамбо опять вернулся к власти и правил, впрочем весьма беспокойно, до 650 г., когда он не то умер, не то был снова отрешен. Но так или иначе, на престоле оказался его внук Манроманцан, 13-летний мальчик, которого китайские хронисты, вообще довольно осведомленные, называют «безымянный». [64] Можно представить, как мало значил этот ребенок на престоле.

Даже эти смутные и отрывочные сведения показывают, сколь напряженной была борьба за власть. Победа осталась за знатью и жречеством. Хозяином положения сделался «великий советник» Донцан [65] из рода Гар, «не знавший грамоты», [66] т. е. не читавший религиозной литературы. Зато он «охранял все уделы Тибета», [67] внешняя политика которого потекла по старому руслу.

ВОЙНА ЗА ТОГОН

Самой острой проблемой, стоявшей перед Тибетом, были отношения с империей Тан. Интересы обеих великих держав были прямо противоположны. Необходимо учесть, что Тибет в VII в. был заперт со всех сторон. На западе стояли непокоренные дарды; Индию защищали не столько Гималаи, сколько климат, убийственный для жителей суровых нагорий; на севере лежала непроходимая пустыня, а на востоке — самая мощная мировая военная держава — танский Китай. Единственный выход был на северо-восток, через Амдо в Ганьсу, и на просторы степей Хэси и «Западного края» (Синьцзян). Но этот выход преграждало Тогонское царство, хотя и ослабевшее, но усиленное покровительством Китая.

Если для Тибета было необходимо овладеть Тогоном, то для Китая было не менее необходимо не допустить этого. Победа над тюркютами, доставшаяся недешево, могла быть сведена на нет при появлении в степи какого-либо антикитайского центра притяжения, так как кочевники бредили восстанием и независимостью. Вырвавшись в степь, тибетцы могли перерезать китайские коммуникации и, опираясь на мятежные элементы среди тюркских племен, загнать китайцев обратно за Великую стену. Поэтому китайцы оказывали всемерную помощь Тогону, несмотря на то что это повлекло за собой войну.

А в самом Тогоне союз с Китаем был крайне непопулярен. Многолетние войны с Чжоуским, Суйским и, наконец, Танским Китаем не могли пройти бесследно.

На тогонские набеги китайцы отвечали губительными вторжениями, наводняя Амдо тюркютами, уйгурами и другими союзными войсками. Конечная победа осталась за Китаем, но ставленник Тай-цзуна, окитаенный царевич Муюн Шунь, несмотря на китайскую поддержку, был убит своими подданными. ^[68]Тай-цзун водворил на ханский престол сына убитого Муюн Шуня, малолетнего Нохэбо, вполне преданного Китаю. Нохэбо ввел в Тогоне китайский календарь, женился на китайской царевне и посылал молодых тогонцев в Чанъань служить при дворе. Естественно, что возникающая оппозиция ориентировалась на Тибет, но заговор 641 г. был раскрыт и ликвидирован. ^[69]

Твердая политика Тай-цзуна и крутой поворот тибетской ориентации при Сронцангамбо на некоторое время обезопасили Тогон, но когда Донцан возобновил наступление на восток, а недалевидный Гао-цзун отказал Нохэбо в немедленной помощи, участь Тогона была решена.

Тогонский вельможа Содохуй бежал в Тибет и сообщил Донцану о решении Гао-цзуна; Донцан немедленно начал войну и в 663 г. наголову разбил тогонцев при верховьях Желтой реки. ^[70]Нохэбо с царевной и несколькими тысячами кибиток бежал в Лянчжоу — под защиту Китая. Гао-цзун спохватился и отправил в Тогон войско, поставив во главе его Су Дин-фана, ^[71]героя западного похода против последних непокоренных тюркютов, но было поздно. Трудно было представить менее удачное стечение обстоятельств для империи Тан.

Осторожный Донцан пытался договориться с Гао-цзуном, но его предложения о разделе Тогона были отвергнуты. Донцан умер, оставив четырех сыновей, по способностям не уступавших отцу; старший, Циньлин, ^[72]стал «великим советником», а младшие возглавили войска, и война началась. Имперское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, так как лучшие войска были заняты в Корее, завоевание которой было закончено только в 668 г. ^[73]За это время тибетцы «разбили 12 китайских областей, населенных кянами», ^[74]и усилили свое войско за счет присоединенных дансянов (тангуты) и хоров (тогонцы). Около 670 г. тибетская армия ворвалась в бассейн Тарима и, опираясь на сочувствие тюркютов и союз с Хотаном, разрушила стены Кучи, вследствие чего весь «Западный край», кроме Си-Чжоу

(Турфана), оказался во власти тибетцев. ^[75]

Стремясь вернуть утраченное, китайцы двинули на Тибет большое войско, но при Бухайн-Голе ^[76] были наголову разбиты. Китайский военачальник Се Жинь-гуй заключил мир с тибетцами и только на этом условии получил возможность отступить в 670 г. Другое войско, посланное против тибетцев, вернулось с дороги из-за его смерти, и на этом закончился первый этап войны.

Тибетцы дважды предлагали империи Тан мир — в 672 и в 675 гг., но Гао-цзун отверг эти предложения, и в 676 г. война возобновилась.

ТИБЕТО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА ЗА ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Активизация антикитайских настроений среди западных и восточных тюрков в 679 г. была связана с перипетиями тибето-китайской войны, достигшей в это время своего кульминационного пункта. Китайское правительство великолепно понимало, что в степи не будет порядка до тех пор, пока тибетцы не будут снова загнаны в горы. Для этой цели была направлена огромная армия (180 тыс. человек) ^[77] и во главе ее поставлен «государственный секретарь» Ли Цзинь-сюань, образованный и хитрый китаец, но не обладавший никакими военными талантами.

Китайский хронист даже приписывает главную роль в этом назначении злой воле соперника Ли Цзинь-сюаня Се Жинь-гуя, желавшего обречь конкурента на поражение и царскую опалу.

Вначале китайцы имели успех, но около озера Кукунор были окружены тибетцами. Китайский авангард, оторвавшийся от основной массы войск, был истреблен, а сама армия прижата к горам и блокирована. От гибели китайцев спасла только смелая ночная атака Хэчи Чан-чжи, корейца по происхождению; это был атлет высокого роста и неудержимой храбрости, ^[78] один из тех «илохэ» (удальцов), которых привлекал и лелеял Тай-цзун. Во главе 500 отборных бойцов он вклинулся в тибетский лагерь, поднял среди врагов панику и пробил в блокаде брешь, через которую бежали остатки недавно грозной армии.

Гао-цзун в отчаянии созвал совет, чтобы решить, что делать с тибетцами, но мнения придворных разделились, и совет никаких решений не принял — тибетская угроза нависла уже над самим Китаем. В том же, 679 г. умер Манроманцан («безымянный»), и на престол был возведен его восьмилетний сын, Дудсрон, ^[79] при котором Циньлин с братьями сохранили всю полноту власти.

В 680 г. тибетцы вторглись в Китай и нанесли «совершенное поражение» Ли Цзинь-сюаню, но Хэчи Чан-чжи с тремя тысячами отборной «врубающейся конницы» (тху-ки) ночью напал на тибетский лагерь и принудил тибетцев к отступлению. Назначенный после этой победы начальником пограничной линии Хэчи Чан-чжи построил на границе 70 сигнальных пунктов и завел казенные поля для снабжения пограничных войск хлебом, но, несмотря на это, тибетцы с помощью пограничных кянов, ^[80] прорвав линию обороны, вошли в Юннань и подчинили лесные полудикие племена, известные под названием маней. ^[81]

В следующем году (681) тибетский полководец Цзанбу, брат Циньлина, попытался прорваться во внутренний Китай. Хотя он был отражен Хэчи Чан-чжи, но это был успех в обороне, который не вывел китайцев из положения, становившегося катастрофическим. Оно еще более ухудшилось в 689 г., когда китайские войска, находившиеся в «Западном крае», были разбиты тибетцами. Китайское правительство впало в панику и готово было отказаться от «Западного края», ^[82] но историограф Цуй-юн представил доклад, в котором доказывал необходимость во что бы то ни стало удержать западные владения, так как в старое время «сим отсекли правую руку у хуннов... Если не содержать гарнизонов в четырех инспекциях, то Туфаньские (тибетские) войска не преминут посетить Западный край, а когда будет потрясен Западный край, то трепет прострется и на южных цянов. Когда же они приступят к союзу с ними, то Хэси придет в неизбежную опасность... Если север будет смежен с туфаньцами, то десять колен (западные тюрки) и Восточный Туркестан погибнут для нас». ^[83]

Представление подействовало: была снаряжена новая армия, пополненная западными

тюрками, и в 692 г. она одержала полную победу и освободила «Западный край» от тибетцев. В это же время кяны и мани, очевидно разочаровавшись в тибетцах, вернулись в подданство Китая. Некоторых тибетцы успели захватить, но спасшиеся, получив земли внутри Китая, усилили оборону западной границы.

Попытка тибетцев восстановить свое господство на западе при помощи тюркского царевича Ашина Суйцзы также не имела успеха, а набег, произведенный братьями Циньлина, кончился поражением в 695 г.

Но Циньлин был упорен. В 696 г. он обрушился на Лянчжоу [\[84\]](#)и, одержав полную победу, прислал посла с мирными предложениями. Циньлин предложил императорскому правительству вывести гарнизоны из «четырех инспекций» и уступить Тибету область нушиби (Тяньшань), с тем чтобы за империей оставалась область дулу (Семиречье). Китайцы требовали еще возвращения бывшей Тогонской территории и, учитывая внутреннее положение Тибета, сознательно затянули переговоры. [\[85\]](#)Расчет оказался справедливым; интриги и государственный переворот в Тибете еще раз спасли империю Тан.

ПЕРЕВОРОТ В ТИБЕТЕ

Затянувшаяся война с переменным успехом истомила равно Тибет и Китай, но проявлялось это «утомление» в обоих государствах по-разному.

Китайское общественное мнение было вообще против войны за заграничные владения, которые нужны были не народу, а имперскому правительству, в то время терявшему популярность. Китайцы хотели спокойно заниматься земледелием, ремеслами и изучением классической литературы, а не ходить в далекие походы по сухим степям и заснеженным горам.

Имперское правительство было озабочено обилием врагов: арабы угрожали среднеазиатским владениям, тюрки захватили весь север, мукри и кидани на востоке волновались. Войска были нужны всюду, а пополнения приходилось посылать против Тибета только для того, чтобы удержать свои позиции. Поэтому имперское правительство тоже хотело мира.

Внутри Тибета также не было единства. Хотя ежегодно с границ в страну привозилась добыча, ^[86]но львиная доля ее доставалась семье Гар, т. е. родственникам Циньлина. ^[87]Как это обычно бывает, симпатии противников правящего рода обратились к лишенному власти цэнпо, занимавшему в это время престол. Дудсрону исполнилось 25 лет. Согласно Дуньхуаньской хронике, он имел ясный ум и жестоко карал изменников. ^[88]Его поддерживали кроме собственно тибетцев храбрые непальские горцы и воинственные западные тюркюты, спасшиеся в Тибете от репрессий империи Тан. ^[89]

Циньлин сделал ошибку, допустив имперские посольства в Тибет. Опытные китайские дипломаты, ведя с правителем и цэнпо переговоры о мире, посулами и подарками стимулировали заговор, во главе которого встал сам цэнпо.

Борьба началась в 695 г., когда Дудсрон казнил одного из членов семьи Гар. Сразу вслед за казнью цэнмо (жена цэнпо) «созвала множество людей», ^[90]очевидно своих родственников, чтобы обезопасить престол от действий армии, подчинявшейся семье Гар.

В 699 г. заговорщики под предлогом облавной охоты собрали воинов и, захватив более четырех тысяч сторонников правительства, перебили их. Затем Дудсрон вызвал правителя из армии в столицу, но тот, зная, что ему грозит верная смерть, поднял восстание, надеясь на верность своих войск. Но воины рассеялись, покинув своего полководца ради своего царя (цэнпо). Видя безнадежность положения, Циньлин покончил с собой, и вместе с ним расстались с жизнью около 100 верных ему сподвижников. Те же, которые предпочли остаться живыми, вместе с сыном Циньлина перешли на сторону империи Тан. Их приняли с почетом и зачислили в пограничные войска, так как их возвращение в Тибет было исключено. ^[91]

Положение изменилось диаметрально. Тибет лишился опытных полководцев и лучших войск. Китай приобрел восемь тысяч закаленных воинов. Естественно, что имперское правительство прервало мирные переговоры с Тибетом, и война возобновилась на всех фронтах.

Теперь перевес был определенно на стороне империи. Китайцы сами приписывали свои успехи неопытности новых тибетских полководцев. Набеги 700 и 702 гг. были отражены с большими потерями для тибетцев. ^[92]Просьба Дудсрона о мире и браке с китайской царевной была подкреплена данью золотом и лошадьми, но результатов не дала. Китайские дипломаты, проникавшие в Тибет, несмотря на пограничную войну, ^[93]информировали свое правительство о новых затруднениях на пути цэнпо Дудсрона: «Зависимые государства на южной границе — Непал, Индия и другие — все восстали». Дудсрон погиб в походе против индусов в 703 г. ^[94]

Победа осталась за империей, но она запоздала. Тибето-китайской войной воспользовались

покоренные в 630 г. тюрки, среди которых 50 лет зрело недовольство, повлекшее взрыв страстей и кровопролитие. ^[95]

После гибели цэнпо опять вспыхнули восстания племен и распри вельмож, а брат Дудсрона потерял престол Непала. ^[96] Но уже к 705 г. знатные семьи Ба и Дро восстановили порядок, и тибетский посол, прибывший в Китай, сообщил о вступлении на престол нового цэнпо — Мзагцома. ^[97] При нем буддисты сохранили свои позиции; продолжались строительство храмов, переводы священных книг и приглашения индийских ученых. ^[98] Буддизм и бон пытались привыкнуть к сосуществованию.

ТИБЕТО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Восставшие в 689 г. тюрки связали большую часть сил китайской армии, и это дало возможность тибетцам вернуться к активной внешней политике. Для начала они завоевали дардские княжества Западного Тибета и в 715 г. ворвались в Фергану, где их никто не ждал. Закрепиться там им не удалось, но, владея горными районами, они представляли постоянную угрозу для китайских гарнизонов «Западного края».

На восточной границе Тибет вел с переменным успехом время от времени затихавшую, но не прекращавшуюся войну с основными силами Китая. На равнине имела перевес регулярная конница империи Тан, в горах — тибетские войска. Это положение продолжалось до 755 г., когда мятеж полководца Ань Лушаня заставил китайское правительство не только снять войска с тибетской границы, но и принять помощь Тибета для подавления восстания. Тибетцы воспользовались этим и захватили западные области Китая, а в 763 г. разграбили китайскую столицу Чанъань. После этого Тибет превратился в мировую империю, способную оспаривать гегемонию в Срединной Азии у Китая и арабского халифата.

Нетрудно заметить, что не буддисты, а сторонники культа бон сражались в рядах тибетской армии — при заключении перемирий и договоров в жертву приносились лошади и быки или собаки, свиньи и овцы. ^[99]Аурель Стейн обнаружил неподалеку от Лобнора, на левом берегу Хотан-Дарьи, в Миране, тибетские документы, относящиеся к VIII или началу IX в. Они отнюдь не буддийского направления, о чем свидетельствуют следующие факты: а) тибетские имена по написанию в большинстве своем не буддийские и не употребляются ныне; б) некоторые титулы восходят к добуддийским сагам; в) свастика имеет бонскую форму; г) не встречаются термин «лама» и молитва «Ом мани падме хум»; кроме того, язык и стилистические особенности документов весьма отличны от языка и стиля буддийской литературы. ^[100]Черная вера вернула позиции, временно утраченные при Сронцангамбо. ^[101]

Итак, создалось в высшей степени двусмысленное положение: победоносная армия, опиравшаяся на широкие слои народа и древнюю религию — бон, оказалась в оппозиции к престолу, потому что монарх и окружавшая его кучка иноземных интеллектуалов-буддистов стремились к миру, ибо только мир с соседями мог спасти их от собственного войска. Но аристократы и бонские жрецы, имея в руках реальную военную силу, не могли ее использовать, так как их собственный авторитет основывался на соблюдении и сохранении традиций, а именно на традиции держалась и власть цэнпо, который благодаря этому был, при всем своем бессилии, неуязвим.

Обе стороны искали средств для закрепления своего положения. Мэагцом попытался женить своего наследника на китайской принцессе, чтобы династическим браком укрепить престол. Царевич, поехавший встречать невесту, при невыясненных обстоятельствах погиб. ^[102]Тогда Мэагцом сам женился на китайянке, которая родила ему сына. Сын был тут же украден и объявлен сыном тибетки, наложницы цэнпо. Царевича хотели воспитать в бонской вере и окончательно избавиться от буддизма. Но не дремали и буддисты, сумевшие объяснить ребенку, кто его мать, и внушить ему почтение к ее убеждениям. Такие формы приобретало осуществление буддизма и бона, монархической и аристократической власти. Единственно только, что накал ненависти не дошел еще до такой степени, чтобы кровь потекла на тибетскую землю.

Тибетский монарх был более могуществен и грозен за границами своей державы, нежели в своей собственной стране. Покровительствуемая им буддийская желтая вера никак не могла снискать расположения его подданных. Мэагцом гостеприимно встречал среднеазиатских буддистов, бежавших от арабских сабель, китайских и хотанских монахов, несших в Тибет грамотность и проповедь человеколюбия, но «хотя цэнпо превозносил Учение, тибетцы не принимали посвящения в монахи». ^[103] Буддизм исповедовался лишь в западных областях страны, не населенных тибетцами, в Центральном же Тибете не существовало ни одного монастыря, и как народ, так и царь были равно невежественны в законе Будды. ^[104]

Решающую роль в назревающем конфликте сыграло стихийное бедствие — эпидемия оспы. Жрецы не преминули приписать заразу чарам иноземцев и добились их изгнания из страны. В 755 г. умер цэнпо Мэагцом, ^[105] оставив престол малолетнему Тисрондецану, и власть, до тех пор разделенная, целиком перешла в руки аристократии, иными словами, поборников веры бон. Правительство возглавили вельможи Мажан и Такралукон, непримиримые враги буддизма. «Царь, хотя сам был верующий, ничего не мог поделать, так как его министр был слишком могуществен», ^[106] — говорит тибетская хроника буддийского направления. Мажан выслал на родину китайских и непальских монахов, препятствовал распространению буддийской литературы и разрушил два храма, сооруженных в предыдущее царствование. ^[107] Великая кумирня Лавран была превращена в бойню.

Видимо, в это время совершалась реформа бона, который был преобразован по образу и подобию буддизма. Выходцы из припамирских стран, призванные на место китайцев, хотанцев и индусов, составили канон из двух разделов: в одном было 140, а в другом 160 томов. ^[108] Проведенной реформой бон настолько укрепил свое положение, что сам Тисрондецан в одном из указов признал полное поражение буддизма. ^[109]

Даже политические противники Мажана, тибетские сановники, соперничавшие с ним в борьбе за власть и поэтому поддерживавшие царя и буддизм, оказались бессильными перед союзом аристократии и «черной церкви». Монарх оказал помощь своим сторонникам лишь тем, что выслал их на окраину Тибета, где Мажан не мог убить их. ^[110]

Мажан допустил только одну ошибку: он счел дело буддизма безнадежным, тогда как безнадежных положений в истории не бывает. Его враги, лишенные власти и реальной силы, обратились к тактике придворного заговора. Это были люди смелые, и убить человека им ничего не стоило, но... буддийское учение категорически запрещает убийство. Нарушив религиозный запрет, заговорщики скомпрометировали бы свою доктрину и тем самым обрекли бы свое дело на провал. Но они нашли выход: заманив Мажана в подземную гробницу-пещеру, они закрыли выход из нее. При этом, полагали они, Мажана никто не убивал, он сам умер.

Надо думать, что такой софизм не мог убедить никого, кроме самих убийц. Поэтому для народа была придумана версия, что министр услышал божественный голос, приказывающий ему войти в гробницу, чтобы оберегать царя от несчастий, а дверь замкнулась сама. ^[111]Затем была сочинена легенда, объясняющая все происшедшее как цепь закономерностей, которая возникла еще в предыдущих существованиях и перевоплощениях. ^[112]Очевидно, в народе антибуддийская политика была популярна, и скрыть преступление было необходимо. Тем не менее переворот удался: друзья Мажана были отправлены в ссылку, в пустыни Северного Тибета, а буддийские проповедники возвращены в столицу. ^[113]

Царь взял власть в свои руки, и снова начался расцвет буддизма в Тибете. Снова открылись кумирни, на площади Лхасы был устроен диспут между сторонниками культа бон и буддизма, причем последние, конечно, победили, но обошлись с побежденными милостиво — сожжена была лишь часть священных книг древней религии, а другая часть принята буддистами. ^[114]

Однако соглашение с народом, достигнутое новым тибетским царем, было неполным. Сторонники погребенного заживо министра в 754 г. предпочли перейти со всеми своими родичами на сторону Китая, где они были обласканы и даже получили императорскую фамилию Ли, что было высшей честью. ^[115]Перешедших было немало, и это могло бы очень повлиять на ход событий, если бы в самом Китае все продолжало оставаться по-прежнему. Но кризис в Китае разразился раньше, чем в Тибете. Это было восстание Ань Лушаня.

ЛАМАИЗМ И ЕГО ОСНОВАТЕЛЬ

Внутренняя политика Тисрондецана была направлена на укрепление страны. Ему наконец удалось притушить открытую религиозную борьбу между своими подданными. Начав с предательского убийства своего министра, Тисрондецан понял, что укрепить буддизм только насильственными мерами невозможно. Поэтому он позаботился о приглашении новых учителей из Индии. Призванный из Индии Шантаракшита оказался человеком скромным и совестливым. Он отказался соперничать с колдунами в заклинании демонов, так как считал задачей отшельника и учителя направлять свой дух на спасительные размышления. ^[116]Зато другой учитель, Падмасамбава, прибывший из буддийского университета Наланды, превзошел в искусстве магии самых сильных колдунов.

Новое направление буддизма, основанное на применении магических формул и волшебства, получило название тантраяны. ^[117]Ученики Падмасамбавы, одетые в красные плащи, отбросили строгие правила махаянического буддизма: аскетизм и мораль, но их заклинания и фокусы производили на тибетцев гораздо большее впечатление, нежели самоуглубление и экстаз махаянистов. Поэтому на этот раз буддизм имел значительно больший успех. Тибетцы с увлечением смотрели на «чудеса», показываемые приезжим индусом, и сами бонские колдуны были не прочь перенять у него неизвестные им приемы волшебства, тем более что для учеников Падмасамбавы не был обязателен целибат. ^[118]

Падмасамбава принес в Тибет новую веру не только по форме, но и по существу. Буддийской она была скорее по терминологии, чем по догматике и этике. Концепция тантраяны сложилась в Удаяне, нынешнем Кафиристане, горной стране к западу от Кашмира. Удаяна издавна славилась своими чародеями, что отметил еще Сюань Цзан. ^[119]Буддизм в ней слился с шиваизмом ^[120]и культом дакини, женских божеств, от которых Падмасамбава, согласно его фантастической биографии, и получил свою колдовскую силу. ^[121]Компромисс со служителями культа бон позволил объединить обе системы, и новая концепция получила название ламаизма; впрочем, это слово употребляется только в европейской научной терминологии и неизвестно в самом Тибете. ^[122]Сами тибетцы считают свою веру настоящим буддизмом — лишний пример того, как привычное слово обретает новое содержание.

С реформы Тисрондецана ламаизм стал официальной идеологией Тибета. Для укрепления этого вероучения около 770 г. невдалеке от Лхасы был построен монастырь Самье, ставший школой магии, ^[123]а Тисрондецан был объявлен воплощением бодисатвы мудрости — Манчжушри. Монархия становилась теократией, а царь превратился в божество — хранителя закона (дармапала).

Новая система встретила сопротивление с двух сторон. Во-первых, далеко не все сторонники бона пошли на компромисс, во-вторых, настоящие буддисты отказались признать учение Падмасамбавы буддизмом. Споры и раздоры стимулировали изучение доктрины и переводы индийских сочинений на тибетский язык, причем в последнем занятии одинаково усердствовали обе стороны.

Сторонники «черного», т. е. непримиримого, бона также включились в эту борьбу. Подстрекаемая ими одна из жен Тисрондецана, по происхождению тибетка, добилась ссылки юного, но ученого ламы-переводчика Вайрочаны, поступив так же, как супруга Пентефрия. ^[124]Но после того как ее постигла тяжелая болезнь, она смягчилась, и юный лама был возвращен из изгнания. Тем не менее эта женщина в истории Тибета была объявлена воплощением «красной дьяволицы» (божество религии бон).

Эта по существу трехсторонняя война была результатом столкновения восточных и западных культурных влияний. Включение в Тибетское царство Дардистана открыло в него доступ таким индусам, которых не знал Китай, хранивший отвергаемые в самой Индии принципы махаяны. Сам Тисрондецан был сыном китайки, но ему предстояло сделать выбор между Востоком и Западом, что также означало мир или войну с Китаем.

Ожесточение, которое возникло во время долгой и трудной войны между тибетцами и китайцами, вынудило повелителя Тибета пересмотреть свое отношение к буддизму. Отказаться от покровительства этому учению он не мог и не хотел, но еще меньше его устраивало проникновение в Тибет китайцев, хотя бы в рубищах буддийских монахов. Однако отделаться от этих «святых людей» было непросто, и сами они старались не подать повода для изгнания.

Тисрондецан нашел выход, устроив публичный диспут между буддийскими школами: китайцы защищали махаяну и принцип «неделания»; индийский учитель Камалашила отстаивал теорию сарвастивадинов (хинаянистов) и доказывал возможность спасения «добрыми делами», т. е. молитвами, сооружением кумирен, милостыней монахам, проповедью и т. п. На это вождь китайских буддистов Хэшан возражал: «Добрые и грешные деяния поистине подобны белым и черным облакам, которые одинаково закрывают небо. Освобождение от всяких мыслей, желаний и размышлений влечет за собою неощущение реальности индивидуального бытия... Только так можно достичь (нирваны)». [\[125\]](#)

Решающим обстоятельством в этом диспуте явились не аргументы сторон и не сочувствие слушателей, а мнение монарха, которое было предвзятым. Еще до начала диспута Тисрондецан высказался так: «Я пригласил ученых из Индии, чтобы они переводили Трипитаку и объясняли бы ее, установили бы общину монахов и объединили веру в единую систему. Из Китая приехал Хэшан, учение которого не соответствует вере. Мы пригласили мудреца Камалашилу. Чтобы не было двух учителей, для объединения учения Будды мы устроим диспут. Я не буду вмешиваться». [\[126\]](#) Этой репликой, независимо от того насколько точно она передана, царь предрешил исход спора, а также раскрыл цель диспута — введение единомыслия в Тибете. И тем не менее диспут прошел далеко не в академических формах. Несколько сторонников Хэшана были так избиты камнями, что вскоре умерли; за это другие четыре китайца, посланные Хэшаном, убили учителя Камалашилу. [\[127\]](#)

Даже обещания «не вмешиваться» тибетский монарх не сдержал, так как после диспута специальным указом была запрещена проповедь всех школ буддизма, кроме восторжествовавшей школы сарвастивадинов. Больше всех пострадали китайские монахи, которых не допустили до покаяния и пересмотра своих взглядов, а просто изгнали из Тибета. Можно думать, что все дело только для этого и было затеяно.

Это событие чрезвычайно важно по своим последствиям. Теперь Тибет стал врагом не просто китайского правительства, а всей китайской культуры в любом ее проявлении. Отсюда становятся понятными невероятная ожесточенность и упорство обеих сторон, ибо исчезла платформа для возможной договоренности: Тисрондецан считается продолжателем дела Сронцангамбо, но на самом деле он разрушитель его. Брак основателя тибетского буддизма с китайкой повел к союзу с Китаем и походу на Индию. Полукитаец Тисрондецан оперся на памирцев и индусов и ополчился против Китая. Несомненно, религиозные мероприятия в Тибете были тесно связаны с поворотами его внешней политики. Сочетание того и другого было причиной жестокой семидесятилетней войны, которую мы можем причислить к категории войн религиозных.

ВЫСЛУШАЕМ И ДРУГУЮ СТОРОНУ

Согласно буддийской историографии, царствование Тисрондецана было золотым веком. Урожаи были хорошие, население увеличивалось, враги были побеждены, законы как светские, так и духовные укреплены, и учение Будды распространялось, неся с собой высокую культуру. Была сделана даже попытка собрать хроники и, сверив их, создать достоверную историю. [\[128\]](#) Главная роль в этих реформах приписывается индийским мудрецам Шантаракшите, Падмасамбаве и Камалашиле, а их покровитель, царь, объявлен воплощением Манчжушри, бодисатвы мудрости и просвещения.

Но совершенно иначе трактует эпоху традиция отвергнутой религии бон. Вторичное введение буддизма приписывается группе вельмож, уговоривших царя уподобиться царям Индии, которые, исповедуя буддизм, «свободны от болезней, долговечны и обладают огромными богатствами». Тут мы видим истинную причину союза трона и буддийской общины: царь Тисрондецан, подобно Карлу I Стюарту, захотел избавиться от опеки своих подданных.

Однако буддизм укрепился только в среднем Тибете: верхний Тибет оставался верен древнему вероучению, а в нижнем исповедовали обе религии. После упомянутого выше диспута Тисрондецан в законодательном порядке запретил религию бон. Мотив этого закона совершенно ясен: «Царь собрал шенпо (колдунов) и сказал: «Вы, бонпо, слишком могущественны, и я опасаюсь, что вы сделаете моих подданных мне неверными. Или обратитесь в буддизм и станьте монахами, или покиньте Тибетское государство, или станьте служилыми людьми и платите налог». [\[129\]](#)

Жрецы приняли первое предложение, и многие из них стали монахами, скрыв в горных пещерах свои святыни и рукописи. Последнее обстоятельство показывает, насколько неискренне было их вынужденное обращение. Святыни и рукописи были спрятаны для того, чтобы бон мог воскреснуть, когда «царь, министры и буддийская община будут разорены, потому что запрещают религию бон, когда царская семья пойдет собирать милостыню по деревням и выпрашивать у народа лохмотья, а учение бон распространится во все концы света». [\[130\]](#)

Можно себе представить, какая мешанина взглядов стала царить в буддийской общине и насколько снизилась действенность организации, после того как она вобрала в себя своих заклятых врагов. При этом надо учесть, что буддистами стали люди беспринципные, ничего не стесняющиеся, в то время как лучшая часть сторонников черной веры отказалась от компромисса и разбежалась по горам. Тисрондецан оказался в плохом окружении.

Бон сопротивлялся отчаянно. Стихийные бедствия, например наводнение, поражение молнией царевича, болезнь царя и т. п., толковались в народе как наказание за вероотступничество. Царь был вынужден пойти на соглашение и выделить области, где исповедание религии бон было разрешено. Вместе с тем армия по-прежнему придерживалась черной веры, [\[131\]](#) и это вынудило Тисрондецана к еще большим уступкам. «Властитель сказал: «Чтобы мне самому удержаться, бонская религия нужна так же, как буддизм; чтобы защищать подданных, обе необходимы; чтобы обрести блаженство, обе необходимы. Ужасен бон, почтенен буддизм; поэтому я сохраню обе религии». [\[132\]](#)

Итак, призыванием бона стала защита жизни народа (разумеется, от внешних врагов), а задачей буддизма — достижение блаженства (т. е. просвещение). Но к такому размежеванию функций пришли не сразу. При жизни Тисрондецана было три периода гонений на бон.

Все эти краткие, сухие сведения дают лишь слабое представление о накале страстей, разрывавших в то время Тибет. Зато как этот накал ощутим при описании дворцовой интриги, предшествовавшей смерти Тисрондецана! Его супруга, тибетка, исповедовавшая бон, была

матерью троих сыновей, но царь оставил ее ради наложниц, связанных с буддийской общиной. Покинутая царица пригласила трех изгнанных колдунов и попросила их околдовать царя. Те потребовали его грязную нательную одежду, которую можно было достать, лишь сняв ее с тела. Царица поручила это дело своему семнадцатилетнему сыну. Царь в это время был во дворце и развлекался со своими приближенными. Привратник отказался впустить царевича, но тот, сломав дверь и заколов привратника, предстал перед отцом и, ничего не скрывая, потребовал нательную рубаху, которую царь ему немедленно отдал.

Можно представить себе, какой у принца был вид, если царь предпочел стать жертвой колдовства, чем разговаривать с собственным сыном и наследником, перешагнувшим через труп верного слуги. За защитой Тисрондецан обратился к Падмасамбаве, и тот взялся за чары, но через 14 дней бонское колдовство одолело, в результате чего изгнанные жрецы были возвращены, а царь умер, вернувшись к бону. [\[133\]](#)

По другим данным, Тисрондецан не умер от колдовства, а отказался от престола в пользу своего сына. [\[134\]](#) Возможно, в его отречении главную роль играла неизлечимая болезнь. Эта гипотеза примиряет обе версии. Но так или иначе, проводимая им политика религиозного компромисса потерпела полное поражение.

Ревнивая царица попросту отравила своего мужа, но сын ее раскаялся в отцеубийстве и справедливо обвинил в нем свою мать. Дело в том, что он, несмотря на любовь к матери и соучастие в преступлении, был буддистом. [\[135\]](#) Став царем и приняв имя Муни Дзенбо в 797 г., он «наслал на мать безумие», а это, по-видимому, означает, что своим обращением довел ее до сумасшествия. Тогда царица отравила и сына, а власть передала его младшему брату — Джуцзе Дзенбо.

Короткое царствование Муни Дзенбо было ознаменовано двумя мероприятиями, которые весьма повлияли на дальнейший ход событий. Во-первых, он приглашал к себе буддистов-мирян из Индии и Китая и приказал почитать сутру Виная и Абидарму Трипитаку. [\[136\]](#) Это были классические буддийские трактаты, и у последователей тантраяны появилось изрядное число соперников из числа хинаянистов и махаянистов, что не могло не внести раскол в лагерь буддизма. Государственное исповедание разбилось на ряд философских школ, которые ожесточенно полемизировали друг с другом. Во-вторых, он за полтора года трижды заставлял богатых делиться с голодающим населением. [\[137\]](#) Это показывает, что процветание Тибета было весьма относительным: войны и реформы изнурили народ. Но еще важнее, что Муни Дзенбо объявил себя врагом богатых. Можно думать, что он готовил социальную реформу, [\[138\]](#) которая не осуществилась вследствие цареубийства и дворцового переворота; в последнем были заинтересованы очень многие: богачи, вельможи, сторонники религии бон, тантристы и вдовствующая царица, которая его отравила.

Может быть, именно необходимость скрыть от народа намерения этого царя вызвала некоторую путаницу в хронологии и разноречие в источниках. У Э. Шлагинтвейта Муни Дзенбо слился с его младшим братом Джуцзе Дзенбо в одно лицо, носящее имя Мукри Дзенбо. Согласно «Синей тетради», царь Тисрондецан умер в 780 г., но в «Танской истории» указан 797 г. Запись Латхасы упоминает царя Муни Дзенбо, имя которого отсутствует в «Танской истории», но постоянно упоминается в тибетских хрониках, «Синяя тетрадь» сообщает, что царь Муни Дзенбо правил с 780 по 797 г. Это кажется ошибкой, так как большинство тибетских хроник устанавливает, что этот царь был отравлен своей матерью после недолгого правления (один год и семь месяцев или три года). Согласно хроникам, престол перешел в руки наследника Мутуг Дзенбо, младшего брата Муни Дзенбо. По Бустону же, Муни Дзенбо наследовал его младший брат Кридэ Дзенбо, также называемый Садналег. Доктор Петоч полагает, что Джуцзы

Дзенбо «Синей тетради» транскрибируется как Цзучжи-цзянь «Танской истории», и отождествляет его с Муни Дзенбо, годы правления которого, таким образом, падают на 797–804. ^[139]Ю. Н. Рерих считает вопрос открытым.

Попробуем подойти к проблеме по-иному: в 797 г. китайцы не могли знать подробностей внутренней истории Тибета, так как война была в разгаре. Поэтому краткое царствование Муни Дзенбо не только могло, но и должно было ускользнуть от их внимания. Затем сопоставление дат «Синей тетради» и китайской летописи показывает, что тибетцы потеряли из летосчисления полтора или два года, т. е. то самое время, которое приходится на царствование Муни Дзенбо. Таким образом, можно найти место для его правления — 797–798 гг., ^[140]что соответствует большинству хроник, и, сдвинув на эти два года хронологию «Синей тетради», привести ее в согласие с китайской хронологией, в данном случае верной.

При Джуцзе (он же Мутигцанбо), царствовавшем до 804 г., внутренние противоречия в Тибете не ослабели. Борьба придворных клик и интриги, ранее сдерживаемые железной рукой Тисрондецана, начали оказывать отрицательное воздействие на армию. Один из тибетских военачальников, правнук китайского эмигранта, горько жаловался захваченному в плен китайскому офицеру, что он и хотел бы, да не может вернуться на родину своих предков. Другой военачальник, «опасаясь, чтобы не обвинили его за неуспешные действия, покорился Китаю».

[141] Но это были только симптомы распада, а не сам распад. Следующий царь, Садналег (804–816), благополучно закончил войну, доведя дело до перемирия. У него от первой жены было три сына: Джангма, который пошел в монахи, Лангдарма, «друг грехов и враг религии», и очень набожный Ральпачан. Так как Лангдарма вполне определенно тяготел к бону, то его отстранили от престола, на который в 817 г. вступил Ральпачан. [142]

Настала эпоха наступления буддизма на бон и даже на тантризм, так как царя окружили индийские монахи-хинаянисты. «Это была эпоха накопления заслуг». [143] Дело в том, что хинаянисты рекомендовали «медленный путь спасения» через свершение «добрых дел», в то время как махаянисты предпочитали «быстрый путь», т. е. аскезу и «неделание». Для народа была выгоднее махаяна, так как отшельника, сидящего в пещере, прокормить легко, оплата же добрых дел, т. е. строительства и украшения кумирен, переводов и переписки молитв и т. п., падала на плечи тяглого сословия. При Ральпачане было построено множество монастырей, и буддизм превратился в дорогостоящую религию. Ламство приобрело характер организации, разделенной на три степени: послушников, созерцателей и «совершенных», причем последние были причислены к высшему сословию. Каждый «совершенный» получил по семь крепостных для содержания и услуг. Ламаистская организация была освобождена от повинностей, и ей был дарован свой собственный суд. Благодарные ламы объявили Ральпачана воплощением Ваджрапани — хозяина молний, инкорпорированного буддизмом древнего бога Индры. [144]

Совсем иначе относился к политике царя народ, строивший монастыри и кормивший множество иноземных лам. Хозяйство страны пришло в упадок, началось всеобщее обнищание, и поднялся ропот. «Кто извлекает пользу из нашего обеднения и угнетения?» — спрашивали в народе. И, презрительно указывая на лам, говорили: «Вот они». Царь издал указ: «Строго воспрещается презрительно смотреть на мое духовенство и указывать на него пальцами, кто на будущее время позволит это себе, у того будут выколоты глаза и отсечен указательный палец».

[145] Но мало этого: буддисты-хинаянисты вполне последовательно со своей точки зрения решили делать «добрые дела» и в политической жизни Тибета. Уже при Тисрондецане буддийские монахи Йонтэн из рода Трэнка и Тиндзин из рода Ньянг назначаются советниками, «уполномоченными для составления великого указа», что по рангу было ниже «малых владык», но выше «великих советников». [146]

При Ральпачане буддисты сформировали свое правительство; во главе его встал Йонтэн, получивший титул «Уполномоченный для составления великого указа, глава над внешними и внутренними делами, управляющий государством, великий монах, сиятельнейший Йонтэн». [147] Это правительство вершило «добрые дела» невероятно круто: «Воры, разбойники, обманщики, интриганы истреблялись, и те подданные, которые были враждебны Учению или недовольны им, жестоко наказывались, их имущество конфисковывалось, и они оказывались в глубокой нищете». [148]

От этих «добрых дел» страдали уже не только народные массы, но и аристократы, оттесненные от власти и ставшие жертвой любого доносчика, который мог почти искренне обвинить тибетского вельможу в том, что он больше любит свою жену, чем Будду. Но донос — явление обоюдоострое: «великий монах» Йонтэн испытал это на себе. Он был оклеветан и казнен, а вслед за тем заговорщики задушили самого Ральпачана и возвели на престол в 839 г. сторонника черной веры принца Лангдарму. Буддийское наступление на Тибет захлебнулось.

Тем более важно, что бон, добившись у Тисрондецана эдикта терпимости, сохранил свои позиции и при Ральпачане. При церемонии заключения мирного договора в 822 г. обряд черной веры даже предшествовал буддийскому. [\[149\]](#) Новый царь имел на своей стороне организованную партию, волю которой он охотно исполнял.

Первым актом нового царя была конфискация имущества монастырей, вследствие чего множество индусских ученых-буддистов немедленно покинуло Тибет, но тибетским буддистам было некуда деться, и на них обрушились преследования, не уступающие по свирепости драгонадам Людовика XIV. По указу царя в надругательство над буддийским вероучением, воспрещающим убивать, половина монахов обязана была стать мясниками, а другая половина — охотниками; отказавшиеся были обезглавлены. Буддийские книги и предметы искусства уничтожались. Запрещалось молиться, смыслом жизни были объявлены мирские блага. Но даже буддийский источник отмечает, что «люди не жалели, что были попраны законы». [\[150\]](#)

Буддисты развили бешеную антиправительственную пропаганду: Лангдарму обличали за пьянство [\[151\]](#) и даже за оригинальную прическу (царь не заплетал косу, как было в то время принято, а собирал волосы на темени, и был пущен слух, что он скрывает рога, которые растут у него на голове и доказывают его демоническую природу), [\[152\]](#) называли его перерождением бешеного слона, укрощенного Буддой. Эти разговоры не беспокоили царя, который полагал, что люди, отвращающиеся от убийства, для него безопасны. Однако один лама решился на то, чтобы пожертвовать своей душой ради общего спасения. Он оделся в плащ, черный снаружи и белый внутри, и, спрятав под плащом лук и стрелу, явился на прием к царю. Черная одежда позволила ему пройти мимо стражи, которая приняла его за жреца. При первом поклоне он положил стрелу на лук, при втором — натянул тетиву, при третьем — выстрелил в царя. [\[153\]](#) Возникшее замешательство позволило ему отбежать за ближайшее укрытие, где он вывернул одежду наизнанку и благодаря этому скрылся от преследования и бежал в Кам, там буддисты находили приют и защиту. [\[154\]](#) Это было в 842 г. [\[155\]](#)

КРУШЕНИЕ ТИБЕТСКОЙ МОНАРХИИ

Короткое царствование Лангдармы было отмечено последним успехом тибетской внешней политики: в 839 г., т. е. в год вступления на престол ставленника бона, кыргызы, воевавшие с уйгурами, перешли в наступление и нанесли Уйгурии смертельный удар. Трудно предположить, что эти события не имели внутренней связи. В кыргызской надписи с Алтын-Келя сообщается, что «герой Эрен Улуг... ради доблести (т. е. по военным делам) ходил к тибетскому хану послом и вернулся». ^[156] Уйгурский народ был на краю гибели, и если бы смерть тибетского царя запоздала, то уйгуры исчезли бы с лица земли, как тюрки, на сто лет раньше. Но тибетцы не смогли воспользоваться долгожданным успехом, так как внутренняя вражда превратилась в открытую войну.

Это наиболее «темный период» истории Тибета, и тибетские источники, касаясь его, резко расходятся с китайскими. По тибетской хронике, Одсрун, сын Лангдармы, вернулся к буддизму, также как и его наследник Делалхронцан, при котором началось восстание и полное распадение державы. ^[157] По китайской истории, на престол был возведен трехлетний племянник Лангдармы и регентшей стала царица-мать, что и вызвало немедленную гражданскую войну. ^[158]

Однако при анализе событий видно, что тибетская версия дополняет и поясняет китайскую: после убийства Лангдармы правительство капитулировало перед буддийской общиной. Это вытекает из того, что противниками царицы-матери оказались правитель дел Гэдуно и полководец Шан Кунжо, ближайшие сотрудники Лангдармы, а их противник Шан Биби, известный своей книжной ученостью, был назначен военным губернатором самим Ральпачаном. ^[159] Мало этого, Гэдуно, возражая против нового царя, заявил: «После покойного гамбо (цэнпо) осталось много отроков, а на престол возвели сына Линьских (т. е. из рода царицы). Кто из вельмож будет повиноваться ему? Кто из духов будет обонять жертвы его? Царство неизбежно погибнет». ^[160] Ссылка на вельмож показывает социальную подоплеку протеста, а апелляция к духам — его идеологическую направленность. Восстание подняли сторонники аристократии и черной веры.

Гэдуно был казнен, но Шан Кунжо поднял оружие, объявив себя мстителем за Лангдарму. В 843 г. «первые чины в государстве взбунтовались по причине несправедливого возведения гамбо» (цэнпо). ^[161] «Первые чины» были ставленниками Лангдармы. Противник восставших, Шан Биби, усыпив бдительность Шан Кунжо переговорами, нанес ему неожиданное чувствительное поражение, и гражданская война запылала. Вторая попытка наступления армии (состоявшей, как уже говорилось, из сторонников веры бон) на хорошо организованное войско Шан Биби, предпринятая в 845 г., тоже кончилась неудачей. Только к 849 г. Шан Биби был вытеснен из пределов собственно Тибета, на северную сторону Наньшаня.

Шан Кунжо, преследуя противника, опустошил всю страну от китайской границы до Карашара. Он пытался договориться с Китаем и получить от него согласие признать себя тибетским царем, но император отказал ему, после чего Шан Кунжо попытался собрать войска для войны с Китаем. Снабжение армии было организовано настолько плохо, что заставило тибетских воинов разбежаться из опустошенной страны, и армия Шан Кунжо растаяла. Китайцы воспользовались этим для того, чтобы оккупировать часть территории, отнятой от них тибетцами в предыдущих войнах, а в 851 г. передался Китаю тибетский наместник области Хэси (к северу от Наньшаня). В Дуньхуане с 847 г. утвердились уйгуры, с которыми заключили союз сторонники Шан Биби. ^[162]

Шан Кунжо пытался восстановить власть Тибета в отпавших областях, но в 861 г. был разбит сначала повстанцами, а потом уйгурским князем Бугу Цзюнем и в последней битве

потерял голову, которая была послана в Чанъань. ^[163]Тибетское царство перестало существовать. Наследник последнего тибетского царя бежал от узурпатора, имея всего сто всадников. Весь Тибет был объят восстанием «людей, одетых в хлопчатобумажные одежды», ^[164]т. е. бедняков. Терпя голод и лишения, царевич пробился в область Нгари, где приблизительно в 850–853 гг. нашел приют и безопасность для себя и своих буддийских сторонников. ^[165]В остальном Тибете дело буддизма было проиграно.

Но не выиграл и бон. Изгнание буддистов, т. е. самой культурной силы внутри Тибета, столь отрицательно повлияло на состояние администрации, организацию народного хозяйства и даже на дисциплинированность армии, что трон пал. А без поддержки власти организация бона не могла существовать; она превратилась в секту, т. е. не связывала, а разъединяла страну.

Тибет распался на свои составные части. Каждый замок, каждый монастырь, бонский или буддийский, огородились стенами, каждое племя выставило на своих пастбищах дозоры, чтобы убивать чужаков. В потоках крови, проливаемой ежечасно, потонули остатки тибетской культуры, на возрождение которой понадобилось более 200 лет.

notes

Козлов П. К. Тибет и Далай-лама, II, Пг., 1929, с. 8–10; Рерих Ю. Н. Кочевые племена Тибета//Страны и народы Востока. Вып. II, М., 1961, с. 8–9.

Francke A. History of Western Tibet, L., 1907, p. 19–39.

Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ, 1959, № 1, с. 135.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора, СПб., 1903, с.

3.

Terrien de Lacouperie, Les langues de la Chine avant les chinois //Le Museon, 1888 p. 28–29.

Ibid, p. 335.

Грумм-Гржимайло Г. Е., с. 41 и 43.

Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres Wei-liou //T'oung Pao. Ser. II, 1905, vol. VI.

Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай //Записки ИИРГО по отделению этнографии. 1880, т. IV, СПб. (отд. отт., с. 51).

Иакинф (Н. Я. Бичурин). История Тибета и Хухунора, т. I, СПб., 1833, с. 110–111.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 124.

Козлов П. К. Монголия и Кам, М., 1947, с. 215.

Гумилев Л. Н. Хунну, М., 1960, с. 205–207, 225–231.

Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа, М., 1962, с. 24.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 127.

Богословский В. А., с. 26.

В. А. Богословский полагает, что это только мужское население, воины («Очерк истории...», с. 128). Но тогда общее число было бы около 15 млн., что невозможно, учитывая природные условия Тибета.

Литература вопроса весьма обширна. Привожу лишь некоторые наиболее важные сочинения: Francke A. A History of Western Tibet; Bell Ch. The Religion of Tibet, Oxford, 1931; Laufer B. Uber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo //T'oung Pao. Ser. II, 1901, vol. II; Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der Tibetischen Bon-Religion, Wiesbaden, 1950; Tucci G. The Tombs of Tibetan Kings, Rome, 1950; Labou M. Les religions du Tibet, P., 1957.

Богословский В. А., с. 29.

Богословский В. А., с. 31.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 127; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926, с. 184–185.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 125–126 и 234.

Богословский В. А., с. 140–143.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 127–128.

Гумилев Л. Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета //Вестник истории мировой культуры, 1960, № 3, с. 107.

Богословский В. А., с. 94.

Богословский В. А., с. 97 и 172.

Богословский В. А., с. 128–130.

Богословский В. А., с. 131.

Богословский В. А., с. 172.

Богословский В. А., с. 79–80.

Эта практика удержалась в Тибете до XX в. Ее наблюдали Рокхилл и Гренар в Северо-Восточном Тибете и уподобляли феодальной (Богословский В. А., с. 84).

Богословский В. А., с. 101–104.

См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2. Т. XXI, с. 129.

«...Тру-ку были покорены» (Богословский В. А., с. 35). См.: Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник, 1965, XXVI, с. 76.

Вспомним «Одиссею»: народ защищает царя, оскорбленного знатью.

Богословский В. А., с. 36.

Согласно тибетской версии царского генеалогического древа, Сронцангамбо был тридцатый цэнпо, наследовавший свою должность. Следовательно, за период с 420 по 580 г., т. е. за 160 лет, сменилось 29 правителей и на каждого в среднем приходится 5.5 года. Это могло быть лишь в том случае, когда престол находился в руках фрондировавшей знати, менявшей своих ставленников по своему произволу. Китайская версия (Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 130) считает его шестым цэнпо, вероятно вследствие меньшей осведомленности. Хронология в обоих случаях отсутствует до VII в. Даже дата рождения и вступления на престол Сронцангамбо не может быть установлена. См.: Кузнецов Б. И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», Л., 1961, с. 73–74.

Богословский В. А., с. 36.

Правописание тибетских имен до сих пор тибетологами не установлено. У разных переводчиков одно и то же имя пишется по-разному. Иногда основой является транслитерация, иногда транскрипция, иногда фонетическая запись с того или иного диалекта, а иногда даже китайская трансиероглифизация. Так, упомянутое нами имя пишется у Е. Шлагинтвейта (Schlagintweit E. Die Konige von Tibet, Munchen, 1886) Srong-btsan sgam-po; у А. Франке (Francke A. A History of Western Tibet) — Shrong tsan sgampo; у Демевилля (Demieville P. Le Concile de Lhasa, Paris, 1957) — Sron-bcan-sgam-po; у Б. И. Кузнецова (Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных») — Сронцангамбо; у В. А. Богословского («Очерк истории...») — Сонг-цэн-гам-по и, наконец, у Бичурина, переведившего с китайского языка (История Тибета и Хухунора), — Цицзун Лунцзянь. Здесь приведены отнюдь не все варианты произношения и написания, и сложность цитирования многочисленных авторов возрастает при отсутствии единого принципа орфографии из-за необходимости приводить цитату точно. Поэтому в нашем повествовании не будет выдержана та или другая система воспроизведения имен. В наиболее ответственных случаях в подстрочных примечаниях будут даны разночтения, имеющие значение для понимания текста и сверки его с источником-переводом.

Щербатской Ф. И. Буддийский философ о единобожии //Записки Восточного отделения ИРАО. 1906, т. XVI.

Бонгард-Левин Г. М. Аграмес — Уграсена — Нанда и воцарение Чандрагупты //ВДИ, 1962, № 4, с. 15.

«После победы он (Чандрагупта) лозунг свободы превратил в рабство, ибо, захватив власть, он сам стал притеснять народ, который он освободил от иностранного господства» (Юстин XV, 4, 13–44) (Бонгард-Левин Г. М. Аграмес — Уграсена — Нанда и воцарение Чандрагупты //ВДИ, 1962, № 4, с. 19).

Getty A. *The Gods of Nonhern Buddhism*, Oxford, 1914, p. 163.

Legge J. A Record of Buddhistic Kingdoms being an account by the Chinese Monc Fahien, Oxford, 1886.

Julien St. Histoire de la vie de Hiouentsang et des voyages dans l'Inde... //Memoires sur les contrees occidentales traduits de sanscrit en chinois en l'an 648 par Hiouentsang. T. I-II, Paris, 1857-1858.

Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Т. II, СПб., 1873, с. 153.

Chavannes E. Les religieux éminents par I-tsing, Paris, 1894, c. XV.

Ibid, p. XVII.

Bell Ch. The Religion of Tibet, p. 10.

Ibid, p. 19.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 132.

Союзы Тибета с Непалом и Китаем были скреплены браками с непальской царевной в 639 г. и китайской княжной в 641 г.

Богословский В. А., с. 41, 48, 89.

Cordier H. Histoire generale de la Chine, I, p. 416.

Богословский В. А., с. 41.

Так его можно назвать после проведенных им реформ, хотя процесс становления монархии в Тибете затянулся и не завершился.

Это была вторая попытка буддийской проповеди в Тибете. Первая, при Латотори, не имела успеха, и индийские миссионеры вернулись домой. См.: Roerich O. N. The Blue Annals, Calcutta, 1949, p. 38.

Попов И. Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения, Казань. 1898, с. 143.

Богословский В. А., с. 40.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 135.

Bell Ch. The Religion of Tibet, p. 34.

Roerich G. N. The Blue Annals, p. 40.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 135.

Он же — Тонг-цэн (по В. А. Богословскому), кит. Лудун-цзань (по И. Бичурину).

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 136.

Кузнецов Б. И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», с. 50.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 93.

Некий вельможа хотел захватить хана и его жену, китайскую царевну, и отвезти их в Тибет (Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 94).

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 95, 135.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 95, 136.

Тибетское чтение не установлено. Возможны варианты: «Три-длинг», «Кон-Линг», «Тхим-Линг». См.: Богословский В. А., с. 49.

Иакинф (Н. Я. Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, М.-Л., 1950, с. 120 и сл.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 136–137.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 138; Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, СПб., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. VI), p. 281.

Бухайн-Гол — небольшая река, впадающая в озеро Хуху-Нор с запада, она пересекает широкую долину и окружена редким прибрежным лесом. См.: Козлов П. К. Монголия и Амдо, М.-Л., 1923, с. 312–313; Кюннер Н. В. Описание Тибета. Ч. I, вып. 2, с. 30.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 142.

Грумм-Гржимайло Г. Е., с. 292.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 143; Дю-сонг (по В. А. Богословскому, с. 50); Гун-Срон-ду-рже (Schlagintweit E. Die Konige von Tibet, p. 50), кит. Цину-Синун (Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 143).

Дансянов, т. е. тангутов, населявших правый берег Желтой реки к югу от озера Хуху-Нор.
См.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 237.

Мань — общее название южных лесных племен. См.: Грумм-Гржимайло Г. Е., с. 27.

Армия, посланная против тибетцев в 690 г., была возвращена с дороги. См.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 146.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 147–149.

Лянчжоу-фу в Алашане.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 153.

Schlagintweit E. Die. Könige von Tibet, c. 50–51.

Об этом ясно говорит цитата из Дуньхуаньской хроники: «В маленькой долине Чапу подданный стремится стать правителем, сын Гара стремится стать правителем». См.: Богословский В. А., с. 52.

См.: Богословский В. А., с. 52.

Богословский В. А., с. 50.

Богословский В. А., с. 51.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 154.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 155.

В 703 г. китайский посол Кам Кэнг даже оказал почести цэнпо. См.: Богословский В. А., с. 52–53.

Эту дату следует предпочесть. См.: Кузнецов Б. И., с. 75, и Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии, М., 1954, с. 100; ср.: Богословский В. А., с. 53.

Более подробно об этом см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки, гл. XXI, М., 1967.

Богословский В. А., с. 54.

При вступлении на престол ему было 7 лет. Это значит, что власть опять оказалась в руках знатных семей, посадивших на трон ребенка, чтобы править страной от его имени. Его полное имя Тридэцуктэн Мэагцом.

Кузнецов Б. И., с. 25.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 189.

Bell Ch., p. 44.

Подробное описание войн Тибета в Срединной Азии см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Кузнецов Б. И., с. 25.

Богословский В. А., с. 58.

Demieville P. Le Concile de Lhasa, Paris, 1957, p. 18.

См.: Кузнецов Б. И., с. 82. Ю. Н. Рерих предложил дату — 745 г. См.: Roerich G. N., p. XIX.

Bell Ch., p. 35; Roerich G. N., p. 40–41.

Богословский В. А., с. 59.

Roerich G. N. *Trails to Inmost Asia...*, New Haven, 1931, p. 357.

Tucci G. The Tombs of Tibetan Kings, p. 98.

Богословский В. А., с. 60.

Roerich G. N., p. 42.

Гумилев Л. Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета //Вестник истории мировой культуры, 1960, № 3, с. 103–114.

Богословский В. А., с. 61.

Попов И., с. 154.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 175.

И. Попов называет его Канбо-бодисатва (Ламаизм в Тибете, с. 155).

Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient, I, P., 1929.

Ibid, p. 361.

Waddel L. A. The Buddhism of Tibet or Lamaism, L, 1895, p. 26.

Попов И., с. 157.

Grunwedel A. Mythologie du Bouddhisme, Leipzig, 1900, p. 52.

Waddel L. A., p. 28.

Grunwedel A., p. 56–57.

Waddel L. A., p. 29.

В. А. Богословский (с. 65–66) предполагает, что индийская точка зрения победила потому, что была понятнее для народа и подходила господствующему классу. Думается, что обе концепции были одинаково экзотичны и чужды тибетцам, но решающую роль сыграли кровь, пролитая в боях с китайцами, и надежды получить материальную помощь из индийских владений, для чего компромисс с индийскими учеными был необходим.

Кузнецов Б. И., с. 43–44.

Богословский В. А., с. 66.

Schlagintweit E., p. 55.

Laufer B., p. 22–44, 38–39.

Ibid, p. 40.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 189–191.

Laufer B., p. 42–44.

Ibid.

Schlagintweit E., p. 56.

Tucci G., p. 73.

Schlagintweit E., p. 56; Попов И., с. 158.

Schlagintweit E., p. 56; Попов И., с. 158.

У населения изымались золото, серебро, жемчуг, бирюза и одежда. Обложению не подлежали монастыри. Население не верило в передел имущества, считая, что оно останется в казне и не попадет в руки бедняков. Даже сами буддийские священнослужители были против уравнивания имущества, объясняя царю, что бедность происходит от грехов в прошлой жизни и поэтому не может быть устранена (см.: Кузнецов Б. И., с. 45–46).

Roerich G. N., p. XX.

К аналогичному выводу, хотя другим путем, пришел Б. И. Кузнецов (с. 78).

Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 208–209.

По Б. И. Кузнецову (Тибетская летопись) — Тидэсронцан, по G. Tucci (The Tombs of Tibetan Kings) — Денти.

Schlagintweit E., p. 58.

Griinwedel A., p. 181.

Schmidt 1.1. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses, St.-Pbg., 1829, p. 345.

Богословский В. А., с. 71.

Богословский В. А., с. 71.

Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 220–221.

Schlagintweit E., p. 60.

Roerich G. N., p. 53.

Francke A. A History of Western Tibet, p. 56–60; ср.: Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 232.

Кузнецов Б. И., с. 56.

Кузнецов Б. И., с. 57.

По китайской хронологии.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, М. — Л., 1952, с. 56–58. Если даже считать, что это посольство было раньше, то надпись показывает характер тибетско-кыргызских отношений.

Schlagintweit E., p. 62.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), I, с. 226 и сл.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 228.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 227.

Иакинф (Н. Я. Бичурин).

Судьба самого Шан Биби неизвестна; после 849 г. войском командовал его помощник Тоба-хуай-гуан.

Иакинф (Н. Я. Бичурин), с. 233.

Schlagintweit E., p. 62.

В области Нгари были построены две кумирни — в год лошади и в год овцы (*ibid*, р. 63), что соответствует 850 и 851 гг. либо 862 и 863 гг. В 50-х годах во главе Тибета стоял узурпатор Кунжо, поэтому предпочесть следует раннюю датировку.